

сентиментализм уже явно одерживает победу за победой; им увлекается преемник Сумарокова, М. М. Херасков, возглавлявший школу, выросшую на Сумарокове; ему отдают дань почти все представители этой школы или писатели, вышедшие из нее, как В. И. Майков, И. Ф. Богданович и др. И, наконец, сам Сумароков, ожесточенно напавший на проявления сентиментализма на русской сцене, однако же не устоял перед воздействием антиклассических и просто предромантических идей, создавая свои песни в фольклорном духе (во всяком случае с 1771 года), свои экзотически-стилизированные псалмы и со вниманием и не без сочувствия приглядываясь к проповеди «Жака Русо», как он называл великого женева. А в 1766 году вышла в свет грандиозная эпопея старого Третьяковского «Тилемахида», гекзаметрическое построение которой опирается на новейшие и явно предромантические течения стиховой культуры, вплоть до учений швейцарцев и гекзаметрического эпоса Клопштока. Гекзаметры «Тилемахиды» только выявили более отчетливо то, что было заложено задолго до появления этой поэмы в идейных и эстетических исканиях Третьяковского, — пробивавшиеся через классицизм и схоластику ростки новых идей. А уже в 1770-е годы разворачивается деятельность предшественников Карамзина, основоположников стилистической манеры и душевного настроения русского дворянского сентиментализма, М. Н. Муравьева, Н. А. Львова и др. В те же годы уже писал Державин, гениальный разрушитель здания классицизма, а в 1779 году он выступил со своими мощными созданиями, определившими его «новый путь». С другой стороны, еще в 1772 году появился «Отрывок из путешествия в* И.*** Т.***» Радищева, манифест революционно-демократического сентиментализма, и около 1774 года была написана им же повесть «Дневник одной недели», воплотившая радикальнейшие искания сентиментализма в области психологического анализа. Большинство из указанных крупных явлений русского сентиментализма относится ко времени, когда еще был жив, когда еще творил и испытывал влияние нового Сумароков.

Таким образом, все три корифея русской литературы и поэтической мысли 1730—1750-х годов, имевшие ближайшее прикосновение к строительству русского классицизма, участвовали в этом общем для них деле по-разному и каждый по-своему. Третьяковский был наименее последователен из всех их. Эклектик и в поэтической практике и в теории, он откликался на противоречивые и разнообразные веяния эпохи, и так и не мог построить из материалов различного происхождения единой системы. В его мышлении еще сильнее были традиции схоластики, школьных теорий Возрождения, примененных в условиях католической и православной церковности. В то же время он усвоил в молодости элементы